

Фонд «Либеральная миссия»

Игорь Клямкин
Татьяна Кутковец

**КРЕМЛЕВСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТОЛОГИИ**

Как нас учат любить Родину

Москва 2006

УДК 323/324:07(470+571)
ББК 66.3(2Рос)
К52

Клямкин И.М., Кутковец Т.И. **Кремлевская школа политологии / — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. — 40 с.**

В брошюре анализируются особенности современной официальной пропаганды в России. С этой целью авторы обратились к публичным высказываниям ведущих политологов, пропагандирующих политический курс Кремля в средствах массовой информации (В. Никонова, С. Маркова, А. Миграняна, Г. Павловского, А. Пушкова и некоторых других). Ключевые тезисы кремлевских пропагандистов, критически анализируемые в брошюре, представляют собой или официальные идеологемы («суверенная демократия», «энергетическая сверхдержава»), или указания на конкретные достижения властей в последние годы («Путин воссоздал российское государство»), или защиту политики Кремля посредством ссылок на мировую и отечественную политическую историю и «разоблачений» современного Запада.

ОТ АВТОРОВ

В этой брошюре мы попытались проанализировать некоторые особенности современной официальной пропаганды в России. Для этого мы обратились к публичным высказываниям конкретных людей, которые на данном поприще трудятся. Нас не интересовали мотивы, которыми каждый из них в своей деятельности руководствуется и которые могут быть самыми разными. Нас интересовало исключительно содержание того, что они пропагандируют. На этом основании мы сочли возможным объединить их в одну группу. Потому что все они едины в том, что нынешний политический курс Кремля считают движением в направлении современной демократии. Мы же полагаем, что тем самым они вводят российское общество в заблуждение. А цель брошюры видим, соответственно, в том, чтобы это показать и доказать.

Ее текст первоначально был опубликован в «Новой газете» под заголовком «Как нас учат любить Родину» (№ 49–58 за 2006 год). В данном издании газетный вариант воспроизводится без каких-либо содержательных изменений. Восстановлены лишь те небольшие фрагменты, которые редакция сократила из-за недостатка места, и сделаны некоторые смысловые и редакционные уточнения.

*Игорь Клямкин,
Татьяна Кутковец
Август 2006 г.*

В последние годы на российских телеэкранах обосновалась группа политологов, которым предоставлено привилегированное право комментировать текущие политические события в стране и за рубежом. Они выступают в роли экспертов, но избыточный – для аналитических комментариев – пафос выдает в них пропагандистов. Можно сказать, что это пропаганда, представляемая как экспертиза. Свою задачу комментаторы видят в том, чтобы обосновывать правильность любых действий Кремля и показывать несостоятельность аргументов его российских и зарубежных критиков. Сложилась своего рода школа кремлевской политологии, использующая стандартный и уже почти не обновляющийся набор аналитических схем, внедряемых в массовое сознание. Нам кажется, что эти схемы сами заслуживают того, чтобы их проанализировать.

Из публичных высказываний Вячеслава Никонова, Сергея Маркова, Андриана Миграняна, Глеба Павловского, Алексея Пушкиова и некоторых других кремлевских пропагандистов (в дальнейшем будем называть их КП) мы выбрали наиболее часто повторяющиеся тезисы и попробовали оценить их экспертное качество. Считаем такую работу бесполезной, потому что эти тезисы и есть не что иное, как ключевые аргументы, призванные обосновывать стратегическую безупречность политики Кремля и несостоятельность критики в его адрес.

Демократия не возникает сразу в развитых формах. В первые 100 лет американской истории демократия в США сочеталась с рабством, в первые 150 лет – с отсутствием избирательных прав у женщин, в первые 190 лет – с отсутствием этих прав у негров.

Если «развитые формы демократии» – это отсутствие рабства и политической дискриминации по отношению к тем или иным группам населения, то в России с демократией давно уже все в порядке и развиваться ей больше и дальше некуда. Однако КП, насколько можно понять, так не думают. Зачем же тогда понадобились им ссылки на былое бесправие американских негров и американских женщин? Затем, что они хотели бы внедрить в общественное сознание представление о неопределенно *долгом* пути России к демократии. Не надо, мол, торопиться. Надо подождать. Всему свое время.

КП правы: «развитые формы» народовластия в одночасье не возникают, им предшествуют формы недоразвитые. Но, как говорится, есть вопросы. Если уж Америка двухсотлетней или столетней давности ставится в пример гражданам современной России, то при чем тут все-таки чернокожие невольники и политически бесправные американские женщины? Ведь наша нынешняя демократическая недоразвитость проявляется совсем в другом. И почему бы тогда в истории тех же США не поискать аналоги таких сегодняшних отечественных явлений, как выборы под опекой начальства, устранение оппозиции, превращение парламента в управляемую извне машину для голосования, а суда – в придаток исполнительной власти?

Будь такие аналоги представлены, можно было бы содержательно поговорить о том, чем обусловлена бывает недоразвитость, что мешает ее превращению в «развитые формы» и благодаря чему они рано или поздно в жизни утверждаются. Тогда экскурс в американскую историю помог бы лучше понять, что происходит сегодня в России и в каком направлении она развивается. Однако КП предлагают нам в поучение нечто такое, что с современной российской реальностью заведомо не сопоставимо. Поисками же более актуальных для нас исторических сведений они себя не обременяют. Полагают, очевидно, что их читатели, слушатели и зрители не настолько искушены в логике, чтобы уловить отсутствие прямой связи между бузиной, которая в огороде, и дядькой, который в Киеве.

Не утруждают они себя, соответственно, и вопросами о том, что мешает России продвинуться в направлении демократии хотя бы до тех точек, до которых за то же время, что имела и она, продвинулись венгры, чехи, поляки, словенцы, словаки, хорваты, болгары, румыны, литовцы, латыши, эстонцы, а недавно и украинцы. Возможно, стесняются объявить русский и другие народы России политическими младенцами, менее подготовленными к народовластью, чем народы, перечисленные выше. С этим представлением трудно согласиться, однако нежелание афишировать его можно понять. Непонятно другое: если даже оно не лишено оснований, то интересно бы узнать, насколько отечественная властная и околовластная элита, к которой принадлежат и КП, помогает россиянам политически повзреть.

На наш взгляд, не только не помогает, но и препятствует. Уже одним тем, что внушает им, будто нынешнее движение страны в сторону, противоположную демократии, есть вынужденно медленное движение именно к демократии. Получается, что ее «развитые формы» время создает само, заменяя собой уничтожаемую во имя будущего торжества демократии демократическую практику. Но если так, то всеильное время призвано заменить и сознательное участие народонаселения в движении к грядущему народовластью, равно как и его подготовку к такому участию. Однако подобных чудес не бывает,

как не бывает ликвидации безграмотности посредством ликвидации школ и учителей.

КП же хотят убедить нас в обратном. Для этого вопрос о векторе исторического развития подменяется вопросом о его темпах. Для этого ссылаются на то, как долго готовили к демократии тех, кого считали для нее не созревшими, в самой развитой стране западного мира. Сроки настолько впечатляющие, что должны, очевидно, заставить людей ждать их приближения так же сознательно и терпеливо, как при советской власти они ждали приближения коммунизма.

Разумеется, об исторических фигурах вроде Мартина Лютера Кинга, благодаря которым эти сроки не превращаются в вечность, КП не вспоминают. Не вспоминают они и о Джоне Кеннеди, откликнувшемся на идущий снизу запрос и приступившем, несмотря на жесткое сопротивление американских традиционалистов, к практическому решению негритянского вопроса в соответствии с принципом гражданского равноправия. Не затем же держат КП на экранах наших телевизоров, чтобы они рассказывали о влиятельных борцах за демократию в других странах, способствуя тем самым их появлению и в России. Их держат затем, чтобы они таких борцов дискредитировали еще до того, как те появились. В том числе и посредством отсылок к истории демократических стран. И не только Соединенных Штатов.

Наши либералы и демократы крайне невежественны. Они не знают мировой политической истории. Они не знают, что даже в Англии с ее многовековой демократической традицией в начале XIX века избирательным правом наделялось лишь четыре (всего четыре!) процента населения. Надо ничего не понимать в политике, чтобы требовать демократии для России, никогда при демократии не жившей.

Скажи нашим любителям и знатокам истории, что их исторические курсы и поучения отдают ретроградством, вряд ли согласятся. Поэтому попробуем их убедить. На успех, по понятным причинам, рассчитываем мало. Но при определенных обстоятельствах, как учили когда-то мыслители-экзистенциалисты, действие без надежды на успех лучше и достойнее бездействия.

Английский пример сам по себе имеет к современной России такое же отношение, что и американский, т.е. никакого. Но ретроградство не в этом: ограничивать избирательные права КП все же пока не призывают. Оно в том, как они воспринимают мировую политическую историю и в чем видят ее поучительность.

Убеждать Россию и россиян не спешить с демократией, апеллируя к рабству негров в Америке, – значит солидаризироваться задним числом с американскими рабовладельцами, которые уж точно не торопились отпускать не-

вольников на свободу а тем более давать им политические права. Ссылаться на британский избирательный ценз начала XIX столетия, закрывавший подавляющему большинству англичан доступ к выборам, – значит вставать на позиции английской землевладельческой аристократии, отстаивавшей свои политические привилегии, свое право монопольно представлять в парламенте интересы всего населения. А аргументируемые с помощью таких ссылок упреки современным отечественным либералам и демократам равнозначны упрекам в адрес английских либералов и демократов того времени, равно как и в адрес поддерживавших их (в том числе на улицах и площадях) британских промышленников и рабочих, которые и заставили аристократию отступить. Без такого «нетерпения» полумиллионный Лондон гораздо дольше был бы представлен в британском парламенте лишь четырьмя депутатами, Манчестер и другие крупные города не были бы представлены вообще, а небольшие местечки с несколькими десятками жителей, находившиеся под контролем крупных землевладельцев, продолжали бы выбирать по два законодателя. Послушай англичане своих поборников исторической неспешности (а такие люди есть всегда и везде), чем была бы сегодня их страна?

История постепенного становления демократии независимо от «несвоевременной» активности демократов и стоящих за ними массовых групп населения – это история, придуманная специально для нынешней российской власти и российской элиты. Предполагается, что только им ведомо, как и какими темпами продвигать в стране демократию. Предполагается, что любое вмешательство общества в политическую жизнь представляет угрозу и для демократии, и для самой отечественной государственности. Поэтому украинская бархатная революция с ее требованием честно считать бюллетени, опущенные в избирательные урны, именуется КП «оранжевой чумой». А создание Общественной палаты, сформированной из отобранных Кремлем людей, которым и в голову не придет протестовать против административно насажденной монополии «Единой России» на политическом рынке, – укреплением гражданского общества. А дозволение политическим партиям, победившим на региональных выборах, предлагать президенту кандидатуры на должности губернаторов, чтобы он затем предлагал эти кандидатуры для утверждения региональным законодателям, – важным шагом к парламентскому способу формирования исполнительной власти. О том, что это будет означать на деле, благоразумно умалчивается. На деле же это будет означать, что «Единая Россия» лишится права проигрывать выборы. Или, что то же самое, все другие партии окончательно лишатся возможности, и без того призрачной, их выигрывать.

Вот зачем понадобились ссылки на политическую историю развитых демократических стран. Они шли к своему нынешнему состоянию медленно и осторожно, и нам не грех у них поучиться. Их властные элиты долго готовили свои народы к ответственному политическому поведению, и у нас не мо-

жет и не должно быть иначе. Загвоздка лишь в том, что ничего подобного эти элиты не делали, как не делают и нынешние российские. Та же английская аристократия, повторим, не только не готовила население к демократии, но и перекрывала доступ к политике городскому бизнесу и низшим классам до тех пор, пока могла выдерживать давление с их стороны. К демократии же те были готовы еще до того, как лишили аристократию властной монополии. Или, говоря иначе, до того, как помогли дозреть до демократии землевладельческой элите. И доказать это не так уж и трудно.

В Австралии, заселявшейся английскими колонистами, сильная землевладельческая элита сформироваться не успела, хотя и пыталась. Поэтому население сумело «подготовить» ее к демократии быстрее, чем на покинутой родине. Всеобщее избирательное право было введено в Австралии на несколько десятилетий раньше Англии. А рабочая партия, возникшая там, была сильнее, чем в любой европейской стране.

Правда, австралийские либералы и демократы оказались более пригодными для эффективного управления страной, чем либералы и демократы постсоветские, прошедшие курс обучения и воспитания при коммунистическом режиме. Но это – другой вопрос. И касается он опять же не населения, а элиты, которая в первые два года после распада СССР не удосужилась даже преобразовать позднесоветскую государственность, учредить на ее месте новую и провести выборы для формирования новых властных институтов. Восточно-европейские посткоммунистические политики эту историческую работу выполнили безотлагательно. Российские – опрометчиво отложили на потом. Но кто мешал им проделать ее сразу, кроме них самих?

КП не устают ругать отечественных политиков 90-х годов за все, что те делали и чего не делали в пору пребывания у власти. Но только не за то, что они не решились на более глубокие демократические преобразования государственной системы. Рассматривать такие темы не в интересах КП. Их цель – отмежевать от этих непопулярных сегодня политиков президента Путина и именно его сделать единственным символом российской демократии. Как? Да очень просто: представив его наследником и продолжателем мировой демократической традиции.

Путина можно отнести к правым консерваторам. Среди них политики от Черчилля до де Голля, от Аденауэра до Рейгана, от Тэтчер до Ширака. Этих политиков, как сейчас и Путина, тоже часто обвиняли в антидемократизме, в авторитарных тенденциях.

Путин выглядит как политик, идеалами которого являются Петр Великий и де Голль.

Порой трудно понять, сознательно КП запутывают внимающих им людей или заблуждаются сами. Сомневаемся, что Аденауэр, Рейган, Тэтчер и другие

правые консерваторы того типа, к которому принадлежат эти политики, согласились бы признать Путина продолжателем своего дела. Генерал Франко (тоже правый консерватор), может быть, и не возражал бы. Не возражали бы, возможно, и не менее известные и тоже правые германский и итальянский «вожди наций» первой половины прошлого века, хотя и пожурили бы, наверное, нынешнего российского президента за чрезмерный, по их меркам, либерализм. Но те, кого называют КП, наверняка были бы их политологической типологией смущены.

Аденауэр вместе с Эрхардом создавали и создали свободную немецкую экономику, в которой бизнес отделен от государства, права собственности гарантированы, а принцип верховенства закона остается не только на бумаге. Результатом стало германское экономическое чудо. Рейган и Тэтчер создавали дополнительные условия для активизации предпринимательской инициативы, стимулировали ее снижением налогов и преуспели тоже. Все они были консерваторами, опиравшимися на традиционные для западной цивилизации ценности семьи, индивидуальной свободы и конкуренции. При этом никому из них не нужно было нанимать пропагандистские спецбригады, чтобы исторически обосновывать необходимость в ограничении демократии. Потому что они были не только консерваторами, но и демократами. Но что общего с такими политиками у Владимира Путина?

Он, разумеется, тоже консерватор. Однако, в отличие от стран Запада, консерватизм в России может опираться лишь на отечественную традицию единоличного властвования с неизбежно сопутствующей ему и столь же неизбежно коррумпированной бюрократической «вертикалью власти». А это, увы, такая традиция, в которой извечно первичны не интересы человека с его индивидуальными правами и свободами, а интересы всесильного государства, в котором базовые ценности демократии и законопослушания не могут укорениться в принципе. Безусловно, лидер, опирающийся на сложившуюся в его стране традицию, по праву именуется консерватором. Но безусловно и то, что в российской традиции консерватор – это хранитель самодержавия.

Казалось бы, различия между природой двух политических традиций – русской и западной – столь очевидны, что проигнорировать их без риска быть уличенными в непрофессионализме невозможно. Но КП на это идут. Зачем? Затем, что им нужно убедить публику в том, что раз Путин, как и вышеупомянутые политики, консерватор, то и ему, подобно им, ничто не мешает быть политиком западного типа. Однако ни одного серьезного аргумента КП привести не могут. Поэтому им и понадобились – в роли символов, аргументы заменяющих, – именитые зарубежные консерваторы. А то, что они кроме бесспорной репутации успешных экономических реформаторов обладали еще

и репутацией крупнейших лидеров западных демократий, уходит на задний план, становится несущественным.

Политически породнив с ними Путина на том единственном основании, что им, как и ему, приходилось выслушивать упреки «в антидемократизме, в авторитарных тенденциях», КП пытаются решить сразу две важные задачи. Во-первых, такая постановка вопроса освобождает российского президента от необходимости обращать внимание на аналогичные упреки со стороны всех противников его курса внутри страны. С какой стати, если такова судьба всех реформаторов? А во-вторых, этот прием позволяет ничтоже сумняшеся разместить современную Россию в западном демократическом пространстве. Ловко. Но – неубедительно. Ведь в антидемократизме и авторитаризме обвиняют обычно и любого диктатора. Неужели таких обвинений достаточно, чтобы и ему нашлось место рядом с Черчиллем, Аденауэром, Рейганом, Тэтчер и де Голлем?

Мы сознательно завершили этот список де Голлем. Потому что если кто из перечисленных деятелей и подвергался серьезным нападкам за «авторитарные тенденции», то именно он. И если Путин действительно находит в нем свой идеал, то это позволяет лучше увидеть то, что российский президент уже сделал, и то, в чем и почему идеал оказался недостижимым.

Де Голль существенно отличался от других послевоенных лидеров европейских демократий. Он хотел править, как выборный монарх, и ему удалось в принятой по его инициативе новой конституции перераспределить властные полномочия в пользу президента. Удалось ему и создать пропрезидентскую партию, доминировавшую в парламенте, хотя, в отличие от нашей «Единой России», и не за счет монопольного использования административного и прочих ресурсов: на принцип свободной политической конкуренции генерал не покушался. И экономическую стратегию де Голль выстраивал совсем не так, как другие консервативные реформаторы. Он выстраивал ее в духе «дирижизма», т.е. на основе целенаправленного вмешательства государства в хозяйственную жизнь. И если по части концентрации власти Путин де Голля давно уже превзошел, то в этом отношении он еще только приближается к своему идеалу. Только вот результаты, которых французский президент добился в экономике в первые годы своего правления, для его российского последователя оказались недостижимыми и за более длительный срок. Но если КП об этом и знают, то нести свое знание в «массы» не считают нужным.

Сравнивая Путина с французским генералом, ставшим президентом, они не рассказывают нам о том, что за шесть лет после прихода де Голля к власти объем промышленного производства во Франции увеличился вдвое. А главное – что рост происходил не только за счет нефтегазовой отрасли, но и благодаря быстрому развитию предприятий органической химии (девятикратное увеличение продукции), авиационно-ракетной отрасли (третье место в мире),

автомобильной промышленности, радиоэлектроники и созданию самой передовой в Европе атомной промышленности. Это, как сказали бы экономисты, совсем другая структура роста, чем в современной России.

Стать русским де Голлем Путину не удалось. И уже не удастся. Потому что историческое время голлистской политики стало навсегда прошедшим еще при де Голле.

Он осуществлял свою программу на излете индустриальной эпохи, когда прямое государственное управление ключевыми секторами экономики могло еще способствовать созданию и модернизации отдельных отраслей. В наступавшем постиндустриальном мире это становилось невозможным. И французскому выборному монарху пришлось столкнуться с тем, что даже концентрация огромных властных полномочий перед вызовами времени бессильна. Экономический подъем сменился застоём, переросшим в кризис и студенческую революцию 1968 года, заставившую де Голля досрочно уйти в отставку.

Так что идеал Путина, ставший нам известным благодаря КП, давно устарел. Но их это не интересует. Им важно, чтобы президент России был вмонтирован в западный истеблишмент. Не исключаем, что это повышает значимость и их самих в собственных глазах: все-таки не белорусского «батьку» обслуживают, не какого-нибудь азиатского диктатора, а крупную политическую фигуру мирового демократического сообщества, которую лишь по недомыслию могут обвинять в «авторитарных тенденциях».

Ну да ладно, тут вроде бы все ясно. Но как все же быть с нашей собственной отечественной историей, нашим самобытным опытом? Мы что, отказываемся от него?

С этим, однако, у КП тоже все в полном порядке. Патриотическую ответственность они успокаивают тем, что у российского президента есть еще один идеал, а именно первый российский император Петр Великий. И все становится на свои места. Фактически КП признались в том, что вовсе не утверждение демократии, пусть и медленное, воодушевляет Кремль и обслуживающий его пропагандистский корпус, а державное величие государства, его престиж и международное влияние, всегда достигавшиеся в России превращением ее народа в один из необходимых для побед ресурсов. Словом, их воодушевляет все то, что как раз и не позволило стране до сих пор достичь ее, демократии, «развитых форм». Но как тогда в одном ряду с Петром оказались западные лидеры XX века?

Ведь Петр I в представлении того же де Голля, не говоря уже о тех, кто упрекал его в «авторитарных тенденциях», был не просто «антидемократом». Он был в их глазах деспотом. И когда на Петра равнялся такой политик, как Сталин, это ни у кого в мире вопросов не вызывало. Сталин осуществлял военно-технологическую модернизацию страны и строил свою великую державу петровскими (и даже более крутыми) методами. Но он посчитал бы врагом

любого, кто обнаружил бы его политическое родство с известными ему западными лидерами. Скажем, с тем же Аденауэром. Или, например, с Черчиллем. В постмодернистскую эпоху к таким сопоставлениям несопоставимого стали относиться терпимее, но от этого они не стали более убедительными. Впрочем, ничего другого КП придумать и не могли.

Они не ошиблись, посчитав расположение Путина рядом с Петром пропагандистски выигрышным: основоположник российского великодержавия и сегодня воспринимается большинством россиян как самая яркая фигура отечественной истории. Однако КП вынуждены считаться и с тем, что монолитного народа, готового доверчиво и смиренно внимать каждому слову правителя-отца, будь-то Петр Алексеевич, Иосиф Виссарионович или кто-то еще, давно уже не существует. Народ в своих мыслях и идеологических предпочтениях разнообразился, монолит исчез. Поэтому глава государства, претендующий и сегодня на роль «отца нации», не может уже не воплощать в своем образе единство возникшего многообразия. Вот и приходится КП сопоставлять несопоставимое, чтобы соединить несоединимое. Поэтому они и ищут Путину место между прорубившим «окно в Европу» российским императором-самодержцем и демократическими политиками Запада. И, соответственно, конструируют образ этакого современного российского государя-президента, причудливо сочетающего в себе и нового русского Петра, и одновременно де Голля, Черчилля, Аденауэра, Тэтчер, Рейгана и Ширака.

Но КП отдают себе, похоже, отчет и в том, что такой образ не очень-то консолидирует общество. Скорее – наоборот. И если отклонение от западной демократии в сторону царского «отца нации» вызывает ликование в душах проимперских державников, то по тому же самому поводу сразу начинается брожение среди тех, кто усматривает в этом возврат в прошлое, покушение на нормальную жизнь, ассоциируемую с цивилизованным Западом. И как тут быть? Ну не менять же в самом деле из-за этого политику блистательного маневрирования и манипулирования на внятную политику ясных целей и четких задач! Чтобы люди наконец поняли, куда страна идет, что строит! Нет, конечно: дело сделано, пропагандистская машина запущена. И КП ничего не остается, как сетовать на незрелость народа, который мешаает Путину стать тем, кем он хочет, т.е. сочетать взаимоисключающие политические идеалы.

Правда, тема народной «незрелости» тоже достаточно скользкая: ведь и президента у нас избирает тот же самый народ. Поэтому КП и предпочитают рассуждать о медленной поступи демократии в мире, не объясняя при этом, отчего она медленная и кто препятствует ее ускорению. Но иногда все же проговариваются.

Путин гораздо более либерален, демократичен и прозападен, чем как минимум 90 процентов населения России. Альтернатива этому человеку и этому режиму возможна, но отнюдь не либеральная. Реально такая альтернатива может быть либо коммунистической, либо националистической.

Мы не знаем, откуда взялись эти 90 процентов. Более того, социологическая информация, хорошо известная и КП, свидетельствует совсем о другом. Она, например, свидетельствует о том, что почти половина наших сограждан выступала за сохранение выборности губернаторов населением, Путиным отмененной. Что система правосудия, ставшая при нынешнем президенте еще более зависимой от исполнительной власти, не по душе подавляющему большинству россиян. Да и политика Кремля по отношению к СМИ всеобщего восторга тоже не вызывает. Или все это никакого касательства к либеральности и демократичности не имеет?

Но кроме социологии есть еще и результаты выборов. На свой второй срок Путин действительно шел с откровенно либеральной избирательной платформой. И за него проголосовало более двух третей пришедших на выборы. Либеральная риторика их не отпугнула и шансов коммунистам и националистам не добавила. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что, стань вновь избранный президент воплощать свои слова в дела, он лишился бы поддержки своих избирателей. Но если так, то ему, быть может, мешает распрямиться во весь его либеральный, демократический и западнический рост совсем не то, о чем говорят КП? Быть может, корректнее было бы сравнивать его не с «90 процентами населения России», а с 90 процентами политической элиты и отечественной бюрократии, интересам которых укрепившаяся под руководством Путина государственная система вполне соответствует?

Ведь нашему правящему классу, который получил от системы все, что хотел, и рассчитывает получить еще больше, либерализация с демократизацией и через сто лет не понадобятся. И западничество ему ни к чему: он давно уже живет в России так, как будто она и есть Запад. Но тогда, может быть, и в самом деле не российское население, а российская элита не позволяет Путину раскрыть его богатый либерально-демократический потенциал, если, разумеется, таковой имеет место?

Однако в любом случае потенциал этот лишается общественного значения, и разговор о нем становится бессмысленным. А поговорить КП очень хочется. Но так, чтобы правящий класс и удобное для него государственное устройство оставались вне критики. Поэтому они и возвышают Путина не над созданной при его непосредственном участии государственной системой, а над народом, превращаемым тем самым в главного ответчика за то, что президент не делает того, к чему расположен и что при другом народе давно бы уже сделал.

Не исключаем, что КП тоже чувствуют себя более либеральными, демократичными и прозападными, чем подавляющее большинство их соотечественников. Если так, то пусть попробуют объяснить, почему они, обращаясь к нам с телеэкранов, обрушивают свой гнев на Запад, едва оттуда раздастся критика политики Кремля именно с точки зрения демократизма и либерализма. Впрочем, это предположительное несовпадение их мироощущения и публичного поведения существенного значения не имеет. Это – их личные проблемы. Тезис же, согласно которому альтернатива «этому человеку и этому режиму» может быть только коммунистической либо националистической, представляет и общественный интерес.

Прогноз относительно возможности реанимации в России коммунизма оставим на профессиональной совести КП. Что касается националистической альтернативы, то она вполне реальна. Но она стала таковой как раз при «этом человеке и этом режиме». Именно в годы правления нынешнего президента резко возрос процент людей, солидарных с лозунгом «Россия для русских!». И именно в эти годы стали чуть ли не повседневной обыденностью убийства инородцев и выступающих против ксенофобии правозащитников. При взгляде же на политическую сцену обнаруживается, что в допутинской России процент голосующих за ЛДПР уменьшался от выборов к выборам, между тем как теперь он тоже резко возрос. «Родину» же, как известно, именно «этот режим» благословил на политические подвиги, надеясь с ее помощью контролировать разбухшую им националистическую стихию.

Зачем ее будили, пока достоверно не известно. На сей счет существуют две версии.

Первая версия – пробуждение произошло вопреки первоначальному замыслу. Хотели «поднять Россию и русских с колен», взбодрить несколько подувывший народ, вдохнуть в него задор государственного патриотизма. При этом рассчитывали на инерцию советского интернационализма, который, как казалось, свидетельствовал о том, что этническая ксенофобия русским несвойственна, что против нацизма и фашизма у них выработан стойкий иммунитет.

Вторая версия – трансформация русского патриотизма в русский национализм не только не исключалась, но и сознательно планировалась. Из разбухшего национализма хотели сделать политическое пугало для либералов и идеологически нейтральных обывателей, поставив их перед выбором между «фашистами» и кремлевской партией власти. Тем самым предполагалось обеспечить ей триумфальное шествие от победы к победе. Одновременно предполагалось, что русский национализм, глубоких корней не имеющий (здесь вторая версия смыкается с первой), серьезной угрозы для Кремля не представляет и что его, при желании, легко можно будет удерживать в управ-

ляемом состоянии – подобно тому, как удерживалась в таком состоянии партия Жириновского.

Какая из двух версий верна, мы, возможно, когда-нибудь узнаем из мемуаров КП. Но в любом случае получилось не только то, что хотелось. Националистическую стихию вольно или невольно разбудили, а остановить ее нарастающую агрессию становится все труднее. Зато у КП и их последователей появились дополнительные основания для того, чтобы пугать этой стихией избирателей, что они и делают. А еще призывают общественность к активному противодействию новому злу. Не объясняя ей, откуда и почему оно вдруг возникло и какую роль сыграла здесь та тотальная «жириновизация» общественной атмосферы, которая происходила и происходит – при непосредственном участии КП – в течение всего путинского правления.

Нынешняя официальная «борьба с национализмом и фашизмом», в которой КП играют не последнюю роль, – это борьба властей и обслуживающего их пропагандистского корпуса со следствиями их собственной политики и пропаганды. Вопросом же о том, можно ли одолеть следствия, не затрагивая причин, КП по-прежнему не задаются и внимание общества по понятным причинам к нему не привлекают.

Похоже, они уже приступили к осуществлению нового спецпроекта: представить «борьбу с национализмом и фашизмом» как борьбу Кремля за торжество демократии против ее противников. А чтобы защищать ее монополю, т.е. при отсутствии конкурентов, в основной состав нынешних недругов демократии включили и тех, кто из серьезной политической игры давно уже выведен. И речь идет вовсе не о коммунистах.

Кремль видит свою задачу в том, чтобы защищать демократию от ее противников. Для этого он вынужден ее ограничивать. Партии власти некому сегодня эту власть передать. В оппозиции к Кремлю находятся политические силы, которые хотели бы вернуть ельцинскую «олигархию», или откровенные националисты. От них движения к демократии ждать не приходится, от них и надо ее защищать.

Этот тезис, развивающий и корректирующий предыдущий, подкупает своей откровенностью. Действующая власть объявляется единственным в стране оплотом демократии. Поэтому защита демократии – это защита власти от ее противников. Поэтому противники власти и противники демократии – это одно и то же. Следовательно, сохранение власти равнозначно сохранению демократии.

Фактически КП договорились до того, что Кремлю предстоит защитить народовластие от народа, который при свободной политической конкуренции

может проголосовать «неправильно». И как бы странно их позиция ни звучала, попробуем отнестись к ней серьезно. Она того стоит.

В истории был случай, когда лидер партии, победившей на свободных демократических выборах в парламент, получил пост главы правительства, а потом использовал свою власть для ликвидации демократии и установления режима личной диктатуры. Имя этого человека – Адольф Гитлер. Нужно ли защищать демократию от таких людей? Ответ очевиден. Нужно ли защищать ее так, как защищает Кремль вместе с помогающими ему КП? Уверены, что нет. Потому что так, как они это делают, защитить ее нельзя. Если, конечно, помнить о том, что альтернатива демократии может быть не только нацистской, а альтернатива нацизму – не только демократической.

КП полагают, что для достижения благой цели Кремля можно пожертвовать такой «мелочью», как политическая конкуренция. Но вместе с этой «мелочью» исчезает и то, ради чего она приносится в жертву. Потому что демократия без политической конкуренции – это уже не демократия, а ее профанация. Поэтому суть идеи, озвученной КП, сводится в конечном счете к тому, чтобы свернуть демократию во имя ее спасения. Или, что то же самое, ради сохранения у власти людей, объявляющих себя ее спасителями.

Германский эксперимент с нацизмом очень дорого обошелся человечеству. Но люди приобрели такой опыт, какого раньше не было, и извлекли из него важные уроки. Они поняли, что необходимы конституционно-правовые механизмы защиты демократии от ее концептуальных противников. И сегодня во многих странах мира действуют четко прописанные законы, перекрывающие потенциальным фюрерам дорогу к власти. Нам же, и таких законов не имеющих, предлагается поручить сбережение демократии нынешним обитателям Кремля и контролируемой им правящей партии. Предлагается также примириться с их правом принимать и избирательно применять любые юридические нормы, ограждающие их от политических конкурентов. Предлагается, наконец, признать их особые полномочия, ни в каких законах не зафиксированные вообще, но позволяющие кулуарно решать, достойны ли другие политические силы сменить их у власти или хотя бы стать влиятельной оппозицией либо еще не дозрели. Таким образом, ради защиты демократии допустимо еще и беззаконие. Что же мы в таком случае сберегаем?

Если оплотом демократии объявляется одна-единственная политическая группировка, то гарантировать она может не демократию, а свою властную монополию и свое право (тоже монополю) выбирать себе подсобные политические группы поддержки, контролируемые оппозиционно настроенных избирателей. Поэтому «свой» националист Жириновский не сходит с телеэкранов. Поэтому ему дозволяется то, за что других снимают с выборов. Поэтому националист Рагозин, демонстрирующий управляемость и лояльность, получает возможность провести свою созданную на скорую руку «Родину»

в парламент, а тот же Рагозин, с поводка сорвавшийся, показательно наказывается. Но о попустительстве Кремля «своим» националистам и о том, как влияет их риторика на сознание людей, мы от КП не слышим. Равно как и о том, почему деятельность «оплота демократии» сопровождается не уменьшением, а нарастанием националистической угрозы.

Демократия нуждается в защите от ее недругов? Кто бы спорил! Но защитить ее может только неукоснительно соблюдаемый закон, блокирующий деятельность тех политических сил, чья цель – демократию уничтожить. А значит, и деятельность тех партий и политиков, которые хотели бы уполномочить себя быть ее единственным «оплотом» и определять, кто ей друг, а кто – недруг. В противном случае друзьями демократии могут оказаться и уже оказываются лишь друзья спецуполномоченных.

Если действующие ныне юридические нормы для этого недостаточны, то они должны быть дополнены, чтобы стать достаточными. А тем партиям и лидерам, программные установки и деятельность которых под законодательные ограничения не подпадают, должна быть предоставлена свобода политической конкуренции. И как их при этом называют КП и их кремлевские работодатели – сторонниками «олигархов», националистами или как-то еще, – никакого значения не имеет. Любая другая защита демократии так или иначе сведется к неправовой или квазиправовой защите от конкурентов властного монополиста, что мы сегодня и наблюдаем.

Понятно, что такие дела нуждаются в солидном пропагандистском обеспечении, что, в свою очередь, обеспечивает спрос на интеллектуальные услуги КП и других представителей кремлевской политологической школы. Непонятно только, какими политологическими критериями они руководствуются, называя защиту монополиста защитой демократии. Непонятно также, как долго нам ждать, пока она будет защищена окончательно. И уж совсем непонятно, откуда при такой защите (она же зачистка) возьмутся когда-нибудь политические силы, достойные того, чтобы монополист признал их право на равных ему противостоять, а тем более – право сменить его в результате выигранных свободных и честных выборов.

Впрочем, в последние год-два КП нашли универсальный ответ на все подобные вопросы, который позволяет отмахиваться от самих этих вопросов как заведомо несерьезных. Они обручили понятие демократии с понятием суверенитета. Или, говоря иначе, обогатили внутривластную проблему внешнеполитическим смыслом. Получилось, как им кажется, убедительно.

России нужна демократия, которая не ущемляла бы государственную независимость страны во внутренней и внешней политике. России нужна суверенная демократия.

Это терминологическое новшество в кремлевской политологической школе считается не только эффективной пропагандистской идеологемой, но и значительным вкладом в мировую политическую мысль. И когда недавно один из западных политиков тоже упомянул о «суверенных демократиях», некоторые представители школы не смогли скрыть свой патриотический восторг: их интеллектуальный «креатив» получил мировое признание. Но вот ведь какая задача: в отличие от них этот политик воздержался от использования данного термина применительно к современной России, выразив лишь надежду, что в число «суверенных демократий» со временем войдет и она. Нынешний же ее политический маршрут воспринимается на Западе как этой цели не соответствующий. А тот смысл, которым наполняют «суверенную демократию» Кремль и КП, там вызывает тревогу, в последнее время все чаще высказываемую публично. В ответ КП – уже практически машинально – обвиняют Запад в покушении на российский суверенитет, демонстрируя тем самым слабую способность говорить по существу и развитую способность подменять понятия.

В современном мире на государственный суверенитет ядерной державы, каковой является Россия, покушаться никто не может. Опасно. Поэтому и не покушаются. Сомнения же вызывают ее притязания на статус «суверенной демократии». И если КП хотят их развеять, то не так уж много от них и требуется. Им надо показать, что Россия не только суверенная, но и демократическая страна. Или, на худой конец, что она развивается именно в демократическом, а не каком-то ином направлении.

Допускаем, что это непросто. Возможно, мы даже хотим невозможного. Но коли так, то у КП есть и другой, вполне достойный для экспертов, выход.

Они могли бы прямо сказать, что демократия в России усекается ради сохранения устоев нашей политической системы с ее «вертикалью власти». Что свободные и честные выборы, свободные СМИ, независимые законодательная и судебная власти, гарантированность прав собственности угрожают безопасности этой системы и потому для нее неприемлемы. И тогда стало бы понятно, что «суверенность» российской демократии заключается в независимости российской властной вертикали от стандартов демократии западной. Правда, при этом пришлось бы доказывать, что неприемлемое для политической системы неприемлемо и для народа России, а также объяснять, почему такую систему надо во что бы то ни стало спасать и сохранять. Но, будь доказательства и объяснения представлены, было бы хотя бы что обсуждать.

Однако мы, похоже, вновь хотим невозможного. Ведь двинувшись по этому пути, рано или поздно придется признать, что формула «суверенной демократии» исполняет сегодня в России примерно ту же роль, какая в свое время отводилась демократии «социалистической». Что, в свою очередь, будет означать признание в интеллектуальной несостоятельности или сознательном обмане. Но таких подвигов мы от КП не ждем.

Кстати, и сама формула придумана не в России, а потому нет и повода гордиться «креативом». Ее, как рассказала российской общественности политолог Лилия Шевцова, придумали на Тайване. И там эта формула имеет вполне конкретный политический смысл: она фиксирует демократическое устройство Тайваня, отличающее его от коммунистического Китая, и подчеркивает его независимость, которую Китай хотел бы оставить в прошлом. Больше нигде, кроме России, проблемой «суверенности» демократии не озабочены. В том числе и потому, что основной вектор развития демократических стран заставляет их ставить во главу угла не столько свою независимость и самодостаточность, как в пору формирования и самоопределения национальных государств, сколько взаимоинтеграцию.

Отсюда не следует, что эти страны вообще отказываются от самостоятельной внутренней и внешней политики в пользу надгосударственных институтов, о чем можно судить хотя бы по поведению Германии и Франции, отказавшим в поддержке США и другим своим союзникам по НАТО во время иракского кризиса. Но когда речь идет не об отношениях с западным миром, а о проблемах внутри самого западного сообщества, входящие в него государства руководствуются отнюдь не идеей суверенитета. Потому что от значительной его части они давно уже добровольно и сознательно отказались, исходя из соображений собственной выгоды. Но, возложив на себя обязательства соблюдать совместно выработанные нормы и процедуры всего сообщества, эти государства не перестали быть суверенными демократиями. Именно потому, что такие обязательства сами же в своих интересах и приняли.

Мы напоминаем об этих общеизвестных вещах лишь затем, что КП, зная о них не хуже нас, в своих рассуждениях о «суверенной демократии» не утруждают себя разъяснениями относительно ее соотносимости с европейской интеграцией, частично затронувшей и Россию. Аргументы в пользу присвоенной ими тайваньской формулы они ищут не в Европе, а в США.

Что правда, то правда: там их можно найти. И в политике нынешней администрации, и в документах, исходящих из близких к ней традиционалистских неоконсервативных кругов. В этих документах слово «суверенитет» призвано символизировать гегемонистскую мировую роль Америки и ее свободу от каких-либо ограничений, мешающих эту роль исполнять. Но такого рода идеи не находят широкой поддержки и в самих США, свидетельство чему – рекордно низкий рейтинг Джорджа Буша-младшего. Поэтому и интересно было бы узнать, что же все-таки имеют в виду КП, ссылаясь на США в подтверждение своих тезисов. Если России полезно заимствовать идеологию американских неоконсерваторов, то чем тогда продиктован обличительный пафос КП, направленный против американской гегемонистской политики? Принципиальным неприятием любого подобного гегемонизма или желанием обосновать свою собственную претензию на него?

Не думаем, что у них есть время задаваться такими вопросами. КП озабочены совсем другим. Им надо убеждать сограждан в том, что с демократией в России все в порядке, страна движется в правильном направлении, однако в мире есть силы, которые могут воспользоваться демократическими свободами для причинения вреда государству российскому. Поэтому КП внимательно за миром наблюдают, чтобы первыми врага выявить и первыми же его разоблачить.

В своей политике Запад использует двойные стандарты. Америка критикует Россию за свертывание демократии, а коммунистический Китай не трогает. Благоволят США и к казахстанскому лидеру Назарбаеву, авторитаризм которого их не смущает. Запад избирательно и предвзято критикует Россию, потому что боится ее усиления. Ему нужна Россия слабая и зависимая, а не сильная и влиятельная, какой она в последнее время быстро становится.

Ни в чем, пожалуй, КП не обнаруживают свою плутоватость так выразительно, как в этом суждении. Казалось бы, предмет спора – яснее некуда. Запад укоряет Россию за то, что она все дальше отходит от общепринятых стандартов демократии. Ответов на такой укор может быть всего два. Первый – объяснить критикам, что они в своей констатации не правы, т.е. что этим стандартам политика Кремля вполне соответствует. Второй – заявить, что критика вообще не по адресу, ибо «суверенная демократия» потому и суверенная, что у нее свои собственные, самобытные стандарты. Но первый ответ использовать нельзя, ибо в таком случае нашу недоразвитую форму народовластия пришлось бы объявить развитой, что несовместимо с исходным тезисом КП. А второй плох тем, что должен сопровождаться формулированием критериев, позволяющих «суверенную демократию» называть демократией. Однако тут дела обстоят еще хуже. Потому что решение задачи, которая при этом возникает, требует не менее новаторской формулы, чем для создания вечного двигателя.

Считаясь с возникшими трудностями, КП придумали третий ответ. Они просто изменили предмет полемики и выдвинули встречное обвинение Западу в том, что проблема не в России, а в нем самом: это у него двойные стандарты, и пользуется он ими избирательно и предвзято. Насчет избирательности – чистая правда. Насчет предвзятости – как посмотреть. Потому что Россия сама согласилась на то, чтобы Запад относился к ней иначе, чем к Китаю, Казахстану и многим другим странам.

Никто не навязывал нашей стране ни вступление в Совет Европы, ни участие в работе его парламентской ассамблеи, ни членство в «восьмерке». Более того, она целенаправленно стремилась оказаться и в европейском, и в мировом клубе западных демократий, в чем ни Казахстан, ни тем более Китай

до сих пор замечены не были. А в этих клубах существуют свои стандарты, причем не двойные, а единые для всех. И если какая-то страна не только не приближается к ним, но все дальше от них отклоняется, то она тем самым демонстрирует претензию на учреждение двойного стандарта в самом демократическом сообществе: одного для себя, другого – для всех остальных. Но этим остальным притязание на такую исключительность может не понравиться и вынудить их к открытому выражению недовольства. Что они и делают.

Мы опять-таки не сообщаем КП ничего нового. Как профессиональные политологи, они не могут всего этого не понимать. Но задача, которую они решают, требует не столько профессионализма, сколько весьма своеобразно понимаемого патриотизма. Он заключается в том, чтобы всеми доступными средствами обеспечить сохранение сложившейся в России государственной системы. Только она, по мнению КП, есть единственная опора и гарантия существования российской государственности. На чем зиждется их убежденность, они не объясняют. Эта тема табуирована, а сама убежденность все больше смахивает на некое религиозное верование, доступное лишь избранным. Но такой подход позволяет им каждого, кто подобный политический фатализм не разделяет, кто считает нынешнюю госсистему устаревшей, неэффективной и препятствующей развитию страны, кто видит альтернативу ей в современной либеральной демократии, автоматически зачислять в разряд непатриотов и, соответственно, врагов России. Он же избавляет их и от бремени полемики с оппонентами – и здешними, и тем более зарубежными. Какая полемика с врагами?

Лукавая, однако, позиция. Неприличная. И очень, на наш взгляд, вредная для страны. Ведь что происходит? Группа политологов, несомненно имеющая право на свою точку зрения и свое толкование патриотизма, но, судя по всему, не распространяющая это право на других, навязывает свое видение развития России в современном мире как единственно правильное. Людям, что называется, дурят голову, произвольно подменяя понятия, а порой и переворачивая их смысл до противоположного. Западу нужна Россия слабая и зависимая, говорят КП. Но дело обстоит с точностью до наоборот. Запад как никогда нуждается в сильной и стабильной России-партнере, а в идеале – и в России-союзнике. Поэтому он так остро и тоже как никогда заинтересован в том, чтобы Кремль не реализовывал в своей стране политический проект, альтернативный демократическому. Таких тенденций Запад и в самом деле опасается. Потому что в нынешнем быстро меняющемся мире это может превратить Россию в его потенциального стратегического противника. Да еще с атомным оружием. Да еще, в отличие от того же Китая, живущего по соседству. Да еще в условиях обозначившихся 11 сентября 2001 года глобальных террористических угроз.

Ведь в своих отношениях с обновляющейся Россией Запад с самого начала исходил из того, что либеральные демократии, как показала жизнь, между собой не воюют. Поэтому он и поддерживал Москву в ее стремлении войти в международное демократическое сообщество, включая и сотрудничество со структурами НАТО. Такова была логика его действий и во времена Горбачева, и в годы правления Ельцина, и в первый период президентства Путина. Но с кремлевским проектом «суверенной демократии», ставшим идеологической заявкой на великодержавную политическую альтернативу демократическому миру, эта логика уже не стыкуется.

Запад к такому повороту оказался не готов. И не только он – множество россиян тоже. Впрочем, эта неготовность выглядит несколько странной, учитывая, что признаков смены Кремлем политического курса было немало и до появления «суверенного» от демократического сообщества проекта. А вот что действительно изменилось, так это стремительность темпа отхода. Он резко ускорился сразу после украинских событий. В Кремле осознали, что либерализация всей российской жизни зашла слишком далеко. И что если дело пойдет так и дальше, то точка невозврата к старым, исконно русским отношениям власти и общества может быть пройдена. А это – самая большая из всех мыслимых угроз госсистеме. Тогда-то Кремлем и его командой и начала вестись очень осмысленная и целенаправленная «работа с населением».

КП быстро сообразили, что одним лишь превращением западных и отечественных противников «суверенной демократии» во врагов России, использующих «двойные стандарты» и другие неблагоприятные приемы, здесь не обойтись. Осознали они, похоже, и то, что «суверенная» демократия, в отличие от прежней «управляемой», не может уже быть всего лишь промежуточной недоразвитой стадией на пути к чужим «развитым формам». Предстояло повысить ее статус до «развитой формы», но своей, «нашей». Тут, правда, есть свои трудности. Советским пропагандистам было легче: «социалистическая» демократия считалась заведомо превосходящей западную или, как тогда говорили, «буржуазную». КП богатым опытом предшественников пока не воспользовались. Возможно, это у них впереди. Покуда же они сумели придумать лишь нечто совсем уж убогое: у нас все в порядке, потому что у других порядка не больше.

КП стали убеждать российское теленаселение в том, что никаких принципиальных различий между западной демократией и ее «суверенной» российской версией не существует. С точки зрения взаимоотношений власти и общества, а также власти и закона, это, мол, примерно одно и то же. Ведь и «у них» есть свои коррумпированные чиновники, бесчинства тюремщиков, превышения служебных полномочий высшими должностными лицами и прочие безобразия. Но при этом опять опускаются некоторые весьма существенные «мелочи». А именно что в западной демократии любое подобное безоб-

разие рано или поздно выявляется и становится предметом гласного разбирательства. Что и главам государств, и депутатам, и любым госчиновникам за допущенные ими злоупотребления приходится дорого расплачиваться – утратой поддержки избирателей, карьерами и репутациями, а то и просто на долгие годы отправляться в тюрьму. А главное, что в западной демократии сами эти злоупотребления – не продукт государственной системы, как у нас, а нещадно караемые законом без учета чинов аномальные отклонения от ее принципов. Соблюдаются же они вовсе не потому, что власть там так бескорыстна и сознательна, – отнюдь нет! Они соблюдаются потому, что власть на Западе вести себя иначе не может. У нее есть ограничитель – люди, там живущие. Западное гражданское общество – обычные налогоплательщики и избиратели – это не просто сила, полноправно участвующая в принятии решений относительно своей собственной судьбы. Это сила, способная сместить любых правителей, если те перестают считаться с ее мнением и жизненными интересами. И именно здесь проходит основной водораздел между западной демократией и «суверенной», о чем КП, разумеется, хорошо знают, но своим соотечественникам не сообщают.

Их миссия в другом. Она в том, чтобы не допустить подобное в России. Проект «суверенной демократии» требует втолковывать людям: то, что на Западе граждане требуют от власти, здесь власть делает сама. И это вопреки тому, что при такой «демократии» только случайность позволила обществу узнать об искаленном солдате Сычеве, а о многих других жертвах государственной системы оно так и осталось неосведомленным. Вопреки тому, что законность российские граждане все чаще ищут и находят в Страсбургском суде по правам человека, а не в отечественных судах. И вопреки многому другому, хорошо нашим согражданам известному. Понятно, что подобные сюжеты КП интересуют мало: привлекательности «суверенной демократии» они добавить не могут, а вызвать ненужные вопросы способны.

«Суверенная демократия» – это не только отказ руководствоваться в политике универсальными демократическими правилами, любое напоминание о которых извне вызывает одну и ту же стандартную реакцию: «Никому не позволим нам указывать!» Это еще и попытка государства в очередной раз обрести полный суверенитет от российского демоса, не допустить его самоорганизации и превращения в гражданское общество, дабы и оно не вздумало ему указывать. При такой «демократии» для него предусматривается только одна роль – исправного избирателя правящей партии и просителя-челобитчика, во всем власти подконтрольного и никак на нее не влияющего.

Так что «суверенная демократия» – это еще и тест на зрелость и величие российского народа, вольно или невольно предложенный ему Кремлем. Потому как великий народ не может добровольно соглашаться быть только электоральным ресурсом и вечным горемыкой, ни в чем не участвующим, ни на

что не влияющим и в результате ни за что происходящее в его стране не отвечающим. Ну а если соглашается, то великим может провозглашаться его правителями в награду за послушание и покорность, но ни в собственных глазах, ни в глазах других народов таковым выглядеть не будет. КП же нужно внушить россиянам нечто прямо противоположное. Для этого им и предлагается особая картина мира, в которой различия между западной демократией и «суверенной» сознательно размыты. И очень даже понятно, почему КП не считают нужным информировать соотечественников о деятельности демократических институтов, отстаивающих права и свободы людей в западных странах.

Потому что «суверенная демократия» – это ведь новый вариант старой идеологии «особого пути России», суть которой всегда сводилась к воинствующему антизападничеству. Иногда совсем вульгарному и изощренному, как в СССР, а иногда, как теперь, чуть менее вульгарному, но столь же изощренному. А для движения по этому «особому пути» правящему классу всегда был нужен и «особый» народ.

Русского человека веками воспитывали идеалистом, верящим, что все подлинное только на небесах, а жизнь земная мнима и с идеалом несоотнесима, что в ее устройстве ничего изменить нельзя, а потому нечего и суетиться. Идеал задавался настолько высокий и недостижимый, что мог понуждать человека либо к полному мироотречению, либо к инертному и безвольному существованию, либо к бунту, после которого все возвращалось на круги своя. Поэтому в России не пробуждался и тем более не поощрялся интерес к вопросам общественного и государственного обустройства страны, а целенаправленно формировалась философия «маленького человека» с ее квинтэссенцией – «там, наверху, им виднее, а наше дело маленькое». Именно к такому народу – никуда не высывающемуся и ни на что не претендующему – и апеллируют КП, уверяя людей в том, что не только в России, но и на Западе «верхи» своевольно принимают решения, а «низы» и там ни на что не влияют.

А раз там все примерно так же, как и у нас, то это значит, что западная демократия ничуть не лучше «суверенной» и стремиться к ней нет никакого резона. Поэтому и западные демократы со своими деньгами, советами и опытом формирования гражданского общества пусть к нам не лезут.

Западные государства финансируют наши неправительственные организации не во имя демократии, а как средство реализации своих национально-государственных интересов в России. Демократия сама рассматривается как инструмент для облегчения прихода к власти фигур, которые дружески относятся к США и в целом к Западу.

Можно ли утверждать, что страны Запада в отношениях с Россией действуют «не во имя демократии»? Можно, если предположить, что национально-государственным интересам этих стран соответствует не демократическая Россия, а какая-то другая. Но какая именно? И какой такой режим могут установить в России после прихода к власти «фигуры, которые дружески относятся к США и в целом к Западу»? Почему, наконец, надо бояться этих прозападных фигур? Не потому ли, что они будут продвигать страну от «нашей» демократии к западной?

Думаем, ответов у КП нет. А если есть, они вряд ли осмелятся их обнаружить. КП можно даже пожалеть. Будучи образованными специалистами, они не могут не понимать, что западная госсистема по своей природе демократична, а русская – самодержавна. Первая – в том виде, в каком она сегодня существует, – во всех своих решениях зависима от гражданского общества, без участия которого их принятие невозможно. Вторая же с гражданским обществом несовместима по определению. Оно для нее убийственно. Потому что как только гражданское общество возникает и начинает требовать, чтобы власть учитывала его волю по всем жизненно важным вопросам, самодержавие свое историческое существование заканчивает и уступает место ранним формам демократии, неизбежно перерастающим в ее «развитые формы». И вот это-то коренное различие систем КП публично признать не могут. Более того, они вынуждены его скрывать, выдавая наше единовластие за народовластие.

Муторная работа. Ведь КП приходится не только утаивать хорошо им известное, но и разоблачать то, что ни от кого не утаивается.

Западные страны никогда не скрывали, что рассматривают продвижение демократии как средство обеспечения своих национально-государственных интересов. Для них, в отличие от КП, это не разные вещи, а одно и то же. Для них демократия – не только самый эффективный способ развития, но и надежная гарантия мира, средство обеспечения безопасности всех входящих в демократический альянс государств. Вам эта концепция кажется неверной? Доказывайте обратное. Аргументы – неубедительными? Опровергайте. Вам не нравятся люди, которые «дружески относятся к США и в целом к Западу»? Ваше право. Но имейте в виду: тем самым вы признаетесь в антипатии к более чем половине своих соотечественников.

Если же хотите закрыть доступ в страну идеям современной демократии, то опускайте «железный занавес». А если не хотите или не можете, то учитесь жить и конкурировать в современном свободном и открытом мире. В таком мире нельзя правовыми способами запретить продвижение демократии, осуществляемое в том числе и посредством информационной, финансовой и организационной поддержки тех сил за пределами западного цивилизационного пространства, которые хотят утвердить ее принципы в своих странах. И если Запад публично заявляет, что он руководствуется при этом и своими собст-

венными интересами, то зачем изображать его открыто декларируемую позицию как тайную цель?

Затем, очевидно, что скрываемое и разоблаченное легче представить как враждебное. А от враждебного надо обороняться.

Будь КП уверены в том, что идея сохранения российской госсистемы способна консолидировать нацию, они не придумывали бы небылиц, а сказали бы вслух то, что говорить не решаются. Они сказали бы, что демократия в ее западном толковании соответствует интересам народов Запада, а интересам россиян не соответствует. Что все то, что позволило людям, там живущим, достичь своего нынешнего достойного положения, в России людям не нужно. Что разделение властей, свободные и справедливые выборы, равенство возможностей в политической конкуренции, независимость суда и СМИ – это не для нас. И тогда не нужно было бы ссылаться на примеры из американской и английской истории, не имеющие к нашим сегодняшним реалиям никакого отношения, и провозглашать Путина самым продвинутым русским либералом, демократом и западником. Зачем хвалить руководителя страны за то, что стране не нужно? Тогда не понадобилось бы и выводить Запад на чистую воду, предварительно приписав ему свою собственную предрасположенность к ведению двойной политической бухгалтерии.

Все это – от неуверенности в том, что наши сограждане хотят того же, что и их руководители. Она-то и заставляет Кремль и его спецпропагандистов конструировать мнимых врагов: под шумок борьбы с ними легче осуществлять зачистку всех источников, из которых проистекают и через которые распространяются вредоносные для системы идеи современной демократии. А когда дело дошло до неправительственных некоммерческих организаций (НКО), пришлось вспомнить и о приемах советского агитпропа: задание спецслужбам, находка спецкаменя и триумфальное разоблачение в спецэфирах. Так НКО превращались в шпионские сети. Но грубость и топорность такой спецоперации, смутившей даже отдельных КП, – это ведь тоже от общей неуверенности.

С помощью старого советского приема Кремль решал новую и самую для себя актуальную задачу. Начав наступление на возникающее в стране гражданское общество, он должен защищать себя от обвинений в антидемократизме, в ущемлении конституционных прав и свобод граждан, с чем изменившийся за двадцать лет народ может уже и не согласиться. Да, полноценное гражданское общество в России еще не сложилось, людям не хватает солидарности, навыков самоорганизации. Нет у них и понимания своей роли в своем государстве. Но это уже и не прежнее бессловесное и покорное народонаселение.

Предоставленные государством самим себе, люди взяли всю ответственность за свои жизни на себя. Они крутились, вкалывали, учились и переучивались, сами принимали решения и сами же их реализовывали. Они приняли

на себя полное обеспечение своих семей и родственников, более удачливые подтягивали друзей и знакомых, помогали соседям и постепенно, сами того не замечая, создавали свою горизонталь взаимоотношений и взаимодействий, стараясь как можно меньше пересекаться с занятой собой властной вертикалью. Люди стали значительно самостоятельнее и, ощутив законное самоуважение и уверенность в себе, почувствовали себя в этой жизни субъектами. И совершенно естественно, что многие из них стали утверждаться в мысли, что эта их субъектность должна распространяться и на отношения с государством, мало чем им помогающим и много чего требующим. Именно так и возникает гражданское общество во всех странах: снизу и благодаря органически задаваемым жизнью условиям.

Понятно, что обществу, в демократии и рынке никогда не жившему, остро не хватает знаний – и о самой сущности демократии и рынка, и о том, как пользоваться их возможностями для своей пользы. А НКО – это и есть организации гражданского общества, которые учат людей пользоваться их правами, противостоять произволу государства и отстаивать в сложных жизненных коллизиях свои интересы. Но если они работают на «их» спецслужбы за «их» деньги, если об этом сообщают все телеканалы...

Старый прием должен был сработать так, чтобы люди испугались и впредь поостереглись иметь с НКО дело, опасаясь быть обвиненными в предательстве. Расчет был на то, что россияне, занятые выживанием, не смогут осознать, что их патриотические чувства используются против них самих. Против страны, у которой крадется время. Но многие, не сомневаемся, осознали. Надеемся, разберутся в этом и остальные.

Кремль же, нанеся удар по НКО, пытался продвинуться и в решении другой проблемы, которую с помощью КП решает повседневно. Больше всего апологеты российской госсистемы боятся того, что люди в России перестанут бояться Запада. Образ западного врага – это ее, системы, основной идеологический, политический и управленческий ресурс. И она использует его, чтобы дискредитировать западную демократию, не вдаваясь в разбор ее особенностей и отличий от нашего «народовластия». А используя, воспроизводит и сам ресурс, не дает ему иссякнуть. Перечитайте под этим углом зрения тезис КП, он того заслуживает.

Однако обличать и разоблачать других – это все же оборонительная позиция, которая КП долго удовлетворять не могла. Они, наверное, не забыли о том, что «социалистическая» демократия, противостоявшая «буржуазной», обеспечивала устойчивость советской системы не сама по себе, а в сочетании с международным весом и влиянием Советского Союза. Поэтому и демократии «суверенной» предстояло из обороняющейся превратиться в атаковую. КП взяли за решение и этой задачи.

К своему статусу ядерной державы Россия добавила статус энергетической сверхдержавы. Это позволяет ей претендовать на место среди современных мировых лидеров. Хватит болтать о «сырьевом придатке». Мощные сырьевые отрасли потянут за собой всю российскую экономику, станут локомотивом модернизации других отраслей, стимулом для создания новых, современных производств.

В отличие от заимствованной «суверенной демократии», «энергетическая сверхдержава» – оригинальный отечественный PR-проект. И он, безусловно, самый удачный из всех озвучиваемых КП. «Сырьевой придаток», еще вчера означавший экономическую и технологическую неполноценность, посредством простого переименования превратился в символ самодостаточности и международного престижа. Слабость, вызывающая чувство стыда, предстала как сила, которой можно гордиться.

Это переименование и сопутствующие ему внешнеполитические амбиции произвели эффект не только в России, но и в других странах, осознавших свою энергетическую зависимость от нее как серьезную стратегическую угрозу. Сама же Россия, казалось бы, нашла ключ к проблеме, которая до того выглядела неразрешимой. Проблема заключалась в том, что наличие атомного оружия после окончания холодной войны перестало восприниматься в мире как достаточное основание для великодержавного статуса и соответствующего ему влияния. Сам распад СССР наглядно продемонстрировал, что в современную эпоху величие и международный вес страны определяются в первую очередь эффективностью ее экономики и качеством жизни ее граждан. Сверхвысокие цены на сырье при растущем мировом спросе на него и были использованы для того, чтобы дополнить ракетно-ядерную составляющую величия составляющей экономической.

Так появилась «энергетическая сверхдержава». Первая в мире. Подобно первой стране победившего социализма. И, подобно ей же, лишняя стратегических перспектив развития. Еще один вариант временного выживания, пропагандистски оформленный как долговременная стратегия. Как светлый путь к будущему процветанию. Как надежная экономическая основа для осуществления нынешних масштабных национальных проектов, от которых – прямая дорога, как выразился один из КП, к «национальному (т.е. мировому) лидерству». Для начала – по темпам экономического роста, а затем, надо полагать, и во всем остальном.

Нам, как и другим россиянам, тоже хотелось бы, чтобы Россия стала страной экономически эффективной, чтобы национальные проекты были успешно реализованы, а жизнь людей улучшалась. Но для обретения уверенности в завтрашнем дне нам все же многого не хватает. Нас, например, очень смущает, что КП, опьяненные своей информационной монополией, не считают

нужным реагировать на суждения экспертов, знакомых с проблемами энергетики не понаслышке, но по разным причинам на роль пропагандистов не претендующих. Ведь «суверенная демократия» пока еще не лишила их права голоса. Пусть и очень далеко от центра информационного влияния, но им этот голос дозволено подавать. Их суждения и оценки можно, разумеется, оставлять без внимания, благо до широкой публики они не доходят. Ну а если вдруг со временем выяснится, что эти суждения и оценки правильны? Не будет ли это означать, что люди, вводящие сегодня страну в заблуждение, своим патристическим усердием приносят ей не пользу, а вред?

Поэтому, во избежание будущих неудобств и вымученных неловких оправданий, мы посоветовали бы КП хоть изредка прислушиваться к тому, что говорят их оппоненты. И, если есть что возразить, возражать по существу и со знанием дела, а не в духе хорошо освоенной нашими героями «мочилочки».

Оппоненты же утверждают, что переименование «сырьевого придатка» в «энергетическую сверхдержаву» – это или самообман, или сознательный обман.

Что не было и нет в мире такой страны, в которой богатые природные ресурсы, даже при высоких мировых ценах на них, стимулировали бы устойчивое развитие других секторов экономики.

Что нынешние относительно высокие темпы экономического роста в России, обеспеченные прежде всего благодаря постоянно растущим ценам на сырье, вуалируют устойчивое падение этих темпов в других отраслях, которое не может быть остановлено.

Что техническое оснащение самого нефтегазового сектора в значительной степени устарело, а добыча нефти и газа в последнее время почти не увеличивается.

Что в ресурсозатратной российской экономике преобладающая часть добываемого сырья идет не на экспорт, а на внутренние нужды и что экономический рост в других секторах, не сопровождающийся увеличением добычи, может быть обеспечен лишь за счет уменьшения сырьевого экспорта.

И еще много о чем говорят неангажированные эксперты, озабоченные пропагандистской эйфорией наших энергетических державников, а еще больше – попытками властей форсированно вернуть стране бывшее влияние, используя зависимость зарубежных потребителей российского сырья для оказания на них политического давления.

Эти эксперты понимают, что политическое влияние, добываемое за счет такой зависимости, зыбко и быстропроходяще, ибо на энергетическом рынке поставщики еще больше зависят от потребителей, чем потребители от поставщиков. Не исключаем, что КП понимают тоже. Однако свое предназначение они видят не в том, чтобы посвящать «массы» в реальные проблемы, стоящие перед Россией, а в том, чтобы оставлять эти «массы» в полном на сей счет не-

ведении: ведь так намного проще внушать им оптимизм и ощущение державного величия их страны, будто бы возвращаемого ей мудрой и патристической политикой Кремля. Но при сложившихся внешних и внутренних обстоятельствах такая пропагандистская установка может принести и уже приносит лишь вред – и населению страны, и ее руководству.

Проблемы, перед которыми оказалась современная Россия, беспрецедентны по своей новизне и сложности. Ей предстоит не просто осуществить технологическую модернизацию. Ей предстоит осуществить модернизацию такими методами, каких она прежде не использовала. И при Петре I, и на рубеже XIX–XX веков, и во времена советской индустриализации она могла обходиться заимствованиями нужных ей зарубежных технологий, инициировавшимися государством и происходившими под его патронажем. В наши дни, когда технологии быстро и непредсказуемо меняются, это уже совершенно невозможно. В современную эпоху модернизация может быть осуществлена только посредством перехода от экстенсивной экономики, каковой она всегда была в России, к интенсивной. Или, говоря иначе, к экономике, развивающейся и за счет своих собственных, а не одних лишь заимствованных инноваций. Однако государство (не только российское, но и любое другое) не в состоянии сегодня самолично инициировать инновации, оно может лишь создавать для них условия, стимулирующие деловую активность частных лиц и корпораций. Если же оно вместо создания таких условий для инноваций технологических тешит себя инновациями терминологическими, изобретая неведомую миру «энергетическую сверхдержаву», то это равносильно полной и безоговорочной капитуляции перед современными мировыми вызовами, прикрываемой демонстрацией возросших международных амбиций и ура-патристической пропагандистской риторикой.

КП, разумеется, тоже упоминают об инновациях и их важности для страны. Раз уже и президент о них заговорил, то и они молчать не могут. А вот как именно инновационная среда соотносится (и соотносится ли вообще) с природой российской государственной системы, от КП не услышишь. «Энергетическая сверхдержава» и в самом деле соотносится с этой природой лучше. Она, правда, и вопросов вызывает немало, но на них ведь можно и не реагировать.

Такая риторика не только не готовит население к решению насущных проблем страны, но и препятствует их осознанию. Можно, конечно, в очередной раз попенять в оправдание на «незрелость народа»: он и в самом деле очень плохо осведомлен о том, что России грозит выпадение из мирового времени и превращение в необратимо отставшую технологическую периферию. Но если эти проблемы и вытекающие из них новые требования к людям ему не разяснять, а тем более скрывать их, то более зрелым он уж точно не станет.

«Энергетическая сверхдержава», обслуживающая развитие чужих экономик, – это, мягко говоря, благоглупость. Это еще одно, наряду с «суверенной

демократией», идеологическое обрамление нынешней «вертикали власти», которая может поддерживать свою устойчивость лишь при полном подчинении себе не только политических, но и экономических субъектов. Последние же при таких обстоятельствах не могут чувствовать себя свободными рыночными игроками, чьи права надежно защищены законом: к естественным предпринимательским рискам здесь добавляются риски противоестественные, связанные с непредсказуемостью «вертикали» и произволом ее отдельных агентов. Поэтому нечего удивляться тому, что российский бизнес не торопится вкладывать деньги в долгосрочные инновационные проекты. В этих, не им заданных условиях, его поведение трудно назвать неадекватным. В свою очередь, и сама властная вертикаль не способна производительно использовать свои огромные финансовые ресурсы, накопленные благодаря торговле ресурсами природными, и вынуждена их замораживать. И, понимая все это, КП уверяют публику в том, что сырьевые отрасли дадут толчок бурному развитию всех остальных, что у изобретенной при их участии «энергетической сверхдержавы» – не только великое настоящее, но и еще более великое будущее.

Если колоссальные государственные капиталы не находят применения в стране, остро нуждающейся в модернизации и, соответственно, в широко-масштабных инвестициях, то это как раз и свидетельствует о том, что в наступившей информационной эпохе государство не может взять на себя роль монопольного субъекта модернизации, которую в эпохи предыдущие оно неоднократно брало на себя в России. И не только потому, что при нынешнем состоянии нашей экономики любой вброс в нее денег грозит всплеском инфляции, но и потому, что время таких модернизаций в их самобытно российских и зарубежных воплощениях типа голлистского безвозвратно ушло. Но если при этом от долгосрочных инвестиций в отрасли развития предпочитает воздерживаться и частный капитал, то будущее страны оказывается под большим вопросом.

При нынешнем положении вещей роль субъекта технологической модернизации в России взять на себя попросту некому. Инновационная среда, без которой глубокая модернизация в наши дни невозможна в принципе, в стране не формируется. Не формируется же она именно потому, что сложившаяся в России государственная система возникновения такой среды не только не стимулирует, но и блокирует. Между тем как раз эту систему и ее историческую прогрессивность и безальтернативность не устают воспевать КП.

Историческая заслуга Путина заключается в том, что он воссоздал российское государство, разрушенное его предшественниками и приватизированное ельцинскими «олигархами».

Этот тезис – базовый для КП. Он вбирает в себя все те смыслы, которые содержатся в других тезисах, от него производных.

Президент Путин действительно воссоздает российское государство. Именно воссоздает, т.е. выстраивает его по лекалам государства советского и досоветского. Сконструированная Путиным «вертикаль власти» с единоличным правителем на ее вершине – прямая наследница вертикалей прежних. А чтобы избежать хотя бы внешнего сходства с ними, формально сохраняются конституционно-демократические институты и процедуры ельцинского периода. Изначальная сложность задачи в том-то и заключалась, чтобы представить воссоздаваемое государство не как перелицовку старого, а как принципиально новое, которое вправе претендовать на сохранение обретенного при Ельцине места в сообществе демократических стран. Ради этого и были задействованы знания и дарования московских политологов, изъявивших готовность переквалифицироваться в пропагандистов. И они, чтобы выполнить столь почетное спецзадание, сделали все, что могли, и продолжают делать все, что могут.

Напомним вкратце об их заслугах.

Они бросили на помощь кремлевским работодателям свою богатую историческую эрудицию, рассказав неосведомленной публике о долгом бесправии американских чернокожих невольников и английском избирательном цензе позапрошлого века, а также о де Голле и других не менее именитых западных политиках. После этого ни у кого уже не должно было оставаться сомнений в том, что российская «вертикаль власти» – не антипод демократической государственности, а одна из ее исторических форм, имеющая свои зарубежные аналоги, и что Владимир Путин – это де Голль, Черчилль, Аденауэр, Тэтчер, Рейган (а заодно и император Петр Великий) сегодня.

Они обнаружили незаурядную способность к освоению политического и интеллектуального опыта не только Европы и Америки, но и Азии, заставив послужить российской «вертикали власти» тайваньскую «суверенную демократию», превращенную ими в суверенную российскую, т.е. от западных стандартов и критериев демократии, в отличие от одноименной тайваньской, не зависимую.

Они явили стране и миру глубокое проникновение в тайны и хитросплетения мировой политики, уличив сам Запад в двойных стандартах на том основании, что он упрекает Россию в недостаточной демократичности, а Китай и Казахстан ни в чем подобном не обвиняет.

Они проявили не менее острое политическое чутье, разоблачив западные страны и в том, что те финансируют российские неправительственные организации не ради продвижения в России демократии, которой у нее и без того хватает, а ради своих собственных национально-государственных интересов. После этого российская общественность уже вряд ли усомнится в том, что национально-государственные интересы не совпадают с демократией не только в недемократических, но и в демократических государствах.

Они поразили нас нестандартностью своего мышления, сочетающейся с уникальной для взрослых людей непосредственностью, когда объявили Кремль единственным в стране защитником российской демократической государственности, вынужденным и обязанным отстаивать ее посредством свертывания самой демократии.

Они, наконец, обнаружили немалую творческую силу, отыскав причинно-следственную связь между «суверенной демократией» и «энергетической сверхдержавой». Теперь стало окончательно ясно, что только воссоздаваемая отечественная государственность, официально объявленная новой и демократической, позволит вернуть и былую сверхдержавность.

КП и их менее известные последователи с чувством глубокого удовлетворения могут передохнуть. Им удалось внушить многим людям, что нынешняя кремлевская «вертикаль власти» и демократическое государство суть одно и то же. Или, по крайней мере, что путинская вертикаль гораздо больше совместима с продвижением к такому государству, чем ельцинский режим, которому некоторые из наших героев тоже служили верой и правдой. Удалось им создать и низкую моду на хулу всех 90-х годов, представляя первое свободное от коммунизма десятилетие России как самое страшное время в ее истории. И все это у них получилось, потому что они сумели отождествить весь ельцинский период исключительно с властью «олигархов», с разной степенью удаленности отодвинутых сегодня от властной вертикали. Однако в последнее время не только маргинальные оппозиционеры, но и сами КП сообщают нам о том, что государство снова оказалось приватизированным – на сей раз уже не столько «олигархами», сколько бюрократией.

Этот факт не отрицается никем, и прежде всего президентом Путиным, который среди важнейших пунктов политической повестки дня называет очищение «вертикали власти» от коррупционной ржавчины. КП, как им и положено, стараются донести президентскую установку до широких народных масс. И некогда им задуматься о том, что, как и во многих других случаях, жизнь столкнула их и их работодателей с непредусмотренными последствиями самой кремлевской политики и кремлевской пропаганды. Возможно, задумаются после того, как убедятся, что эти последствия успели укорениться в «вертикали власти» настолько глубоко, что при ее сохранении искоренить их из нее не получится. Ни у Путина, ни у любого его преемника.

Такую вертикаль можно было строить только при опоре на бюрократию – цивилизную и силовую. А она могла стать такой опорой только при условии, что получает строящуюся вертикаль в свою теневую собственность. Или, говоря иначе, получает неписанное право обирать бизнес, контролировать суды, формировать выражающие ее интересы выборные властные институты и даже свое собственное «гражданское общество», помогающее ей сохранять независимость от населения и гражданского общества без кавычек. Реализуя

кремлевский проект, бюрократия незаметно, но упорно и настойчиво устраняла плюрализм в СМИ, способствовала созданию «Единой России», обеспечила ее доминирование в Государственной Думе и региональных законодательных собраниях. Потому что политический плюрализм и свободная политическая конкуренция мешают ей жить и управлять так, как ей хочется и может.

Какими бы ни были исходные мотивы, которыми руководствовались кремлевские конструкторы «вертикали власти», результат мог получиться лишь таким, каким получился. И очистить эту вертикаль от всего того, что первоначальным замыслом, быть может, и не предусматривалось, не удастся. Потому что для многих давно уже не секрет: речь идет не об отдельных изъянах воссоздаваемой Путиным государственной системы, а о природе самой этой системы. Она возведена на бюрократическо-коррупционном фундаменте. Никакими законами, призванными ограничить возможности для чиновничьего лихоимства, его не изменишь. Точечными назидательными репрессиями против отдельных чиновников – не изменишь тоже. А при более массовых репрессиях система рискует остаться без фундамента вообще. Подобные задачи оказывались непосильными даже для таких самодержцев, как Петр Великий, который казнил высокопоставленных казнокрадов, объявляя их государственными изменниками. Однако устроить этим других чиновников ему не удалось, а на тотальную зачистку он так и не решился. И даже самого крупного и бесцеремонного тогдашнего казнокрада Александра Меншикова лишь предупредил и пугал, но не трогал – нужный, а главное, незаменимый был человек. Так что если Путин, по информации КП, видит в Петре свой идеал, то в данном отношении тот ничему его научить не может.

Тем не менее Кремль все же начал очередное наступление на коррупцию. Оно всегда инициировалось в России, когда произвол чиновников достигал масштабов, опасных для самой государственной системы. Но методы, которые она использовала для обуздания этого произвола, во все времена напоминали лечение туберкулеза аспирином.

Коррупция, существующая везде, перестает быть системным явлением и сводится к минимуму лишь там, где сама госсистема зависит от общества, где бюрократия постоянно находится под светом софитов, т.е. под контролем свободных СМИ и независимых гражданских организаций, где чиновники несут юридическую и экономическую ответственность за ущерб, наносимый их действиями либо бездействием гражданам. В России ничего этого нет и пока не предвидится. Более того, нынешняя «вертикаль власти» для того и выстраивалась, чтобы все это исключить. Зато есть шумная антикоррупционная кампания. Иницируется принятие специальных законов, возбуждаются новые уголовные дела на высокопоставленных «оборотней» в погонах и без погон, реанимируются некоторые старые. То, что говорят о коррупции на всех телека-

налах, впечатляет масштабностью намерений. КП довольны: может быть, даже верят, что «вертикаль власти» будет наконец очищена и станет прозрачной.

Если так, то нам трудно разделить их чувства, хотя и мы за то, чтобы воры сидели в тюрьме; только настоящие, а не назначенные. Трудно, потому что мы помним о неудачах на этом поприще, которые постигли Петра и всех других российских правителей. Даже некоторые люди, близкие к власти, не считают нужным скрывать от широкой общественности, что в таких государственных системах, как нынешняя российская, законодательное сужение возможностей для чиновничьих злоупотреблений и репрессии по отношению к отдельным коррупционерам могут не уменьшить, а еще больше увеличить объемы теневого оборота. Потому что система эта функционирует как своего рода рынок коррупционных услуг, где репрессии означают возрастание рисков, а возрастание рисков на любом рынке сопровождается ростом цен. В нашем случае – размеров взяток.

Что бы ни говорили КП о преимуществах путинского государства перед ельцинским, никакого нового цивилизационного качества оно не обрело. Оно лишь из слабого неправового превратилось в более сильное неправоное. И трудно сказать, что лучше. Ведь это, очень сомнительное, преимущество – результат очередного упрочения традиционной для России бюрократически-силовой (она же коррупционная) компоненты власти, что не приближает утверждение принципов законности и права, а еще больше от него страну отдаляет. Между тем во всем том, что касается главных внутренних проблем России и ее модернизации, такое государство остается беспомощным.

Будучи не в состоянии гарантировать право собственности и другие базовые права людей, оно не в состоянии установить и единые и повсеместно соблюдаемые правила деловой игры, без чего к нему нет и не будет доверия. Поэтому у него нет и не может быть внятных стратегических целеполаганий. Поэтому в лучшем случае оно обречено на постоянное суетное латание дыр, а в худшем – на стагнацию и разложение. Поэтому оно и впредь вынуждено будет, движимое инстинктом самосохранения, именовать свою скрываемую за демократическим фасадом бюрократическо-авторитарную природу «суверенной» или какой-то другой «демократией» и маскировать свое стратегическое бессилие PR-проектами вроде «энергетической сверхдержавы».

Но долго так продолжаться не может. Рано или поздно наши сограждане начнут осознавать, что под разными названиями им предлагается некая особая демократия, из которой исключено общество, замененное «Единой Россией», Общественной палатой и административно насажденными общественными организациями – неестественными, казенными и холодными. И число прозревающих будет со временем лишь увеличиваться. Именно об этом свидетельствует мировая политическая история, а вовсе не о том, в чем тщатся убедить своих соотечественников КП.

Рано или поздно большинство россиян поймет и то, что ничего в их жизни существенно не изменится, пока сохраняется властная монополия одной политической группировки. Поймут люди и то, что басманное правосудие, при политической монополии неизбежное, во вред не только отдельным «олигархам», но и им самим. Равно как и то, что не отвечают их интересам интерпретация происходящего в стране и за ее пределами конформистски ориентированными КП и предоставленная последним привилегия на такую интерпретацию.

Все это произойдет неизбежно. Вопрос лишь в том, какую цену придется заплатить стране, ведомой сегодня ее властной элитой в прямо противоположном направлении, за трансформацию бюрократическо-коррупционной государственности в демократически-правовую. Но чем больше времени уйдет на опробование очередного тупикового варианта, тем цена будет выше. Не лучше ли поэтому одуматься как можно раньше?

Российское государство нуждается именно в трансформации, причем коренной. Просто реформам оно не поддастся, как не поддалась в свое время КПСС. Готовность же к таким трансформациям зависит от состояния народа и его элиты. Российский народ, даже после пятилетки грамотной обработки его мозгов КП и их единомышленниками, тому не препятствие. И не потому, что весь он очень уж либеральный и демократичный, а потому, что никаких его интересов и ценностей это не ущемит. Для давно назревшего преобразования государственной системы стране не хватает соответствующей элиты, имеющей ясное представление об исторической развилке, на которой оказалась сегодня Россия, и проистекающей отсюда исторической ответственности ее правящего класса. Альтернатива предельно жесткая: либо прорыв в постиндустриальную информационную эпоху, либо выпадение из нее. При том, что изыскать свой «особый путь» гонки за временем, как то удавалось в эпоху индустриальную, уже не получится.

Чтобы ответить на современные внешние и внутренние вызовы, России нужна элита, готовая оставить в прошлом образ народа-объекта, воспроизводившийся из века в век элитами прежними – дворянской и советской. Те элиты, попадая на исторические развилки, находили свои ответы на мировые вызовы, хотя это и не спасло их от последующей деградации и краха. Нынешней же российской элите деградация может быть уготована без предшествующих достижений, но с тем же конечным результатом. Потому что в наши дни, в отличие от досоветских и советских времен, без *субъектности общества*, его свободной и сознательной самомобилизации на решение стоящих перед страной новых задач никакой правящий класс их не решит.

Это не интеллигентский идеализм с его народопоклонством и властененавистничеством. Необходимость изменения в России статуса общества – это самая что ни на есть политическая прагматика. От осознания нашей элитой,

прежде всего интеллектуальной и культурной, такой необходимости напрямую зависят и жизнеспособность российской государственности, и конкурентоспособность страны в современном мире, и ее в нем место.

Соответственно, России нужна элита, способная признать, что «суверенная» пародия на современную либеральную демократию не возвышает, а унижает страну и ее граждан. Пародия на чужое, публично исполняемая как гимн державному величию, – это, согласитесь, не совсем то, что могло бы придать россиянам чувство национального достоинства, о чем так пекутся некоторые КП. Гораздо достойнее было бы полезное чужое освоить, сделать своим собственным достоянием и использовать в интересах своей страны. Но это значит, что Россия нуждается в такой элите, которая оставит в прошлом и принцип политической монополии как несостоятельный и для России сегодня пагубный. В элите, осознавшей неизбежность выбора в пользу политической конкуренции, причем не как средства борьбы за монополию, а как альтернативного способа государственного существования, обеспечивающего сменяемость власти.

А это, в свою очередь, уже само по себе будет означать и принципиальное изменение взаимоотношений власти и общества. При политической монополии оно рассматривается как ее придаток. Как ресурс, наподобие природного, подлежащий пропагандистской обработке в духе КП или их советских предшественников. При свободной же политической конкуренции общество стимулируется к превращению из объекта воздействия в субъект развития. Излишне говорить, что при этом оно должно обладать всей полнотой информации о происходящем в стране и мире, что и позволит ему осмысленно и ответственно участвовать в выборе пути и способа развития страны. А без такого субъекта политики, для России совершенно нового, нынешняя властная элита будет лишь тянуть время, заботясь исключительно о том, чтобы комфортная для нее архаичная госсистема просуществовала как можно дольше. И уже одним этим подпитывая надежды своих оппонентов из националистического стана на возможность замены одного властного монополиста другим. Неужели большевистского эксперимента стране недостаточно и для обучения демократии и праву нам нужен дополнительный негативный опыт с еще более катастрофическими, чем раньше, последствиями?

Между тем Россия подошла к такому историческому рубежу, на котором, повторим, именно традиционная для страны государственная система, в новой форме сегодня воспроизводимая, стала главным тормозом технологического, экономического и политического развития. При ее сохранении переход от экстенсивной сырьевой экономики к интенсивной экономике инноваций невозможен в принципе. А значит, невозможно и продвижение к существенно иному, чем сейчас, качеству жизни людей. Такая вот историческая развилка.

КП часто говорят о необходимости постоянного обновления общенациональной политической повестки дня и желательности ее максимально широкого обсуждения. Мы готовы поверить, что они этого действительно хотят, но совсем не уверены в том, что они предрасположены обсуждать не только то, что считают уместным в Кремле. Или, говоря иначе, обсуждать не только повестку дня, спущенную сверху, но и то, какой она должна быть. Со своей же стороны мы хотели бы предложить в эту повестку три вопроса.

Вопрос первый: что и кому нужно делать для трансформации российской экономики из экстенсивной в интенсивную? Что и кто этому мешает?

Вопрос второй: можно ли такую трансформацию осуществить в неправовом государстве и если нельзя, то как его превратить в правовое? Что и кто этому мешает?

Вопрос третий: возможно ли подобное превращение при «суверенной демократии», т.е. при полном отключении общества от политики и бюрократической опеке над ним? И если нельзя, то как продвинуться от «суверенной демократии» к демократии современной? Что и кто этому мешает?

Мы уверены, что при отсутствии ответов на эти вопросы ни одна из серьезных проблем, стоящих сегодня перед Россией, не может быть решена. КП здесь не помогут.

Игорь Клямкин, Татьяна Кутковец

**КРЕМЛЕВСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТОЛОГИИ**

Подписано в печать 20.09.2006
Печать офсетная

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 623 33 13, 624 26 25
Факс: (495) 623 28 58